

Хуббитдинова Нэркэс Ахметовна
Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра РАН
Уфа, Россия
narkas08@mail.ru

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ПЕРСОНАЖИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ БАШКИРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОЭМЫ «КИССА-И ЙУСУФ» КУЛ ГАЛИ)

Аннотация: Исследование проблемы фольклорно-литературных взаимосвязей, выявления фольклорных традиций в литературном произведении среди прочего также предполагает рассмотрение художественное использование в авторском тексте семантических особенностей фольклорных персонажей. В этом смысле в данной статье в системе образов произведения средневековой башкирской литературы Кул Гали «Кисса-и Йусуф» усматриваются реминисценции на сказочные персонажи, на которых в поэме в сопряжении с традиционными сюжетобразующими мотивами возложены важные идейно- и художественно-эстетические функции.

Ключевые слова: литературное произведение, фольклорные персонажи, традиционные сюжетобразующие мотивы, младший брат, падчерица, художественные функции, эстетические функции.

Khubbitdinkva Narkas Ahmetovna
Institute of History, Language and Literature
Ufa Federal Research Center of Russian Academy of Sciences
Ufa, Russia

FOLKLORE CHARACTERS IN THE WORKS OF THE BASHKIR LITERATURE (ON THE EXAMPLE OF THE MEDIEVAL POEM "KISSA-I YUSUF" BY KUL GALI)

Abstract: The study of the problem of folklore and literary relationships, the identification of folklore traditions in a literary work, among other things, also involves the consideration of artistic use in the author's text of the semantic features of folkloric characters. In this sense, in the system of images of the medieval Bashkir literature Kul Gali "Kissa-i Yusuf" reminiscences of fairy-tale characters are seen, in which poems in conjunction with traditional plot-forming motifs important ideological and artistic-aesthetic functions are assigned.

Keywords: literary work, folklore characters, traditional subject-forming motives, younger brother, stepdaughter, artistic functions, aesthetic functions.

В фольклорной и литературной эстетике образ наделяется особыми качествами. Фольклорный образ во многом отличается от литературного своим идейно-эстетическим своеобразием, своей функциональностью. Это типический образ, обобщающий качества и свойства объектов действительности, с его неизменным постоянством на протяжении всего произведения, которое имеет свойство варьироваться детально, что не изменяет в целом его сущности. Согласно утверждению В.Я. Проппа, «фольклорный образ – тип героя как действующего лица». Существуют типы сюжетов сказок, которые, в свою очередь, имеют несколько типов героев, которые «не представляют собой индивидуальных характеров» [Пропп, 1976, с. 99]. Образ сказочного персонажа слушатель представляет себе в «дополненном», содержательном виде. Так, башкирский «батыр» для него ассоциируется с известными из фольклорных произведений чертами и особенностями героя: Урал-батыр как физически сильный и ловкий, зоркий стрелок или реальное лицо – Салават Юлаев как сказитель, импровизатор – сэсэн, кураист – искусно играет на тростниковом духовом музыкальном инструменте, бесстрашный воин и т.д. Следовательно, в произведении без лишнего описания лишь слово «батыр» уже само по себе порождает целостный образ. Такой же характерной особенностью наделены персонажи с конкретными именами. Таков Плешивый-Газ из башкирской сказки. Герой русской народной сказки «Иван – царевич, крестьянский сын» Иван является одним и тем же героем для многих сказок и т.п.

Также характерной особенностью повествовательного фольклора является то, что в нем действует ограниченное количество персонажей, группирующихся вокруг главного героя и его антагониста. В сказочном повествовании, например, традиционным является система образов, где есть лагерь положительных во главе с главным героем и лагерь отрицательных персонажей.

В то время как в литературе каждое действующее лицо – герои, персонажи – наделены индивидуальностью, имеют собственные имена, характеры. Образ в художественной литературе представляет собой картину человеческой жизни. При помощи образов писатель выражает свое отношение к жизни, к поведению людей в тех или иных обстоятельствах и т.д. «В процессе изображения образа важную роль играет идейность

писателя, его понимание жизненных явлений, глубина поставленных им вопросов, его жизненный опыт, знание им жизни и наряду с этим художественное воображение, вымысел, позволяющие писателю изображать картины жизни правдиво, убедительно, верно, отвлекаясь от случайного и подчеркивая типическое», писал Л. Тимофеев [Тимофеев, Венгеров, 1955, с. 88-89]. Неповторимая индивидуальность героя в литературном произведении может быть характерным, типичным, обычным для изображаемой социальной среды, эпохи. Другими словами, герой литературного произведения может «отражать множество имеющихся в жизни прототипов изображенного персонажа, но ... оно все же единично, оно имеет свое имя и лицо», вторил Л.Тимофееву В.Я. Пропп [Пропп, 1976, с. 99]. Некоторые литературные герои и персонажи могут вызвать реминисценцию на фольклорные традиционные образы.

В сказочном мире, как уже было сказано, персонажи делятся на два лагеря: положительные и отрицательные. В башкирском народном творчестве среди традиционных типов отрицательных персонажей встречаются вредная сноха, мяскай-людоедка, злая мачеха, ее родная дочь и другие. Согласно сказочной эстетике они призваны чинить препятствия герою, приносить зло, доставлять моральные и физические страдания. Несмотря на свою природную зловредность на них в произведении возлагается немаловажная художественная нагрузка: своими коварными намерениями, чинимыми против героя, они приводят к неожиданным поворотам в ходе основных событий, заставляя сюжет развиваться в совершенно другом направлении. Так, у многих народов мира существуют такие типы сказок как АТ 485А («Мачеха и падчерица»), АТ 480 («Падчерица в бане»), где сюжет развивается по одной схеме. После смерти жены отец героини женится вторично и приводит в дом мачеху, у которой есть своя родная дочь. Согласно закону сказок этих типов, с этой минуты в жизни сироты наступают черные дни: чтобы она не делала (а ей приходится работать от зари до зари), мачеха изводит ее тяжелой работой и, наконец, избавляется. Так, в сказке «Клубок» (АТ 480) действие двух противоположенных типов описывается следующим образом: «падчерица ровную нить прядет, мягкую, много пряжи получилось. А у дочери мачехи пряжа дрянная получилось»; придя в дом беззубой старухи, падчерица сперва поздоровалась, не показывала своей неприязни и отвращения к ее быту, еде: «сирота знает, что у них в доме пища вкуснее, но ее похвалила», в бане она «осторожно раздела старушку», хотя та просила разделить ее как попало, срывать с нее одежду, лупить рукояткой веника и т.д. Родная же дочь мачехи, пустившись в след своего клубка, никому не помогла, исполняла указания старухи дословно, чем и поплатилась [Башкирское народное творчество, 1989, с. 175-176]. В сказке она ничего не делает, чтобы как-то облегчить и без того тяжелое положение сестры, не проявляет к ней никакого сочувствия. Поэтому в глазах слушателя дочка мачехи также вызывает негативное отношение, и в системе образов сказки она занимает лагерь отрицательных персонажей. К слову сказать, в жизни в реальности было немало подобных историй, поэтому и у слушателя порождается соответствующее отношение.

В средневековой тюркской литературе также присутствуют традиционные образы, на которых возлагается особая художественная функция, что часто порождает реминисценцию на сказочные персонажи. Так, в поэме Кул Гали «Кисса-и Йусуф», в основе которой лежит знаменитый коранический сюжет о Йусуфе-прекрасном, также присутствует образ падчерицы по имени Дина, являющейся родной дочерью одной из жен пророка Якуба. Эта девушка действует также как и ее сказочный прообраз, т.е. вредит своей сводной родне, брату в данном случае: подслушивает, как ее отчим Якуб истолковывает Йусуфу увиденный им необычный сон. Стоит ей донести до других братьев о содержании подслушанного, как сюжет принимает иной оборот развития. Однако литературное произведение раз приняв традиции сказочной эстетики, вынужден и далее подчиняться ее законам. Поэтому мало было вводить образ корыстной падчерицы, разгласившей чужую тайну. В художественное полотно поэмы вплетается фольклорный мотив «Запрет – нарушение запрета – наказание», который как раз таки способствует зарождению конфликта. В художественном плане, по определению А.М. Сулейманова, он «... служит механизмом, детонатором, дающим ускорение стартующему сюжету» [Сулейманов, 2002, с. 396]. Другими словами, как говорит А.Г. Яхин, нарушение героями данной клятвы (или запрета. – Н.Х.) приводит к полной переоценке сторон: «счастье меняется на несчастье ...». Нарушение слова, клятвы (а равно и запрета) является традиционным типичным атрибутом волшебных сказок [Яхин, 1984, с. 65]. Именно по этой причине, то есть после нарушения запрета, герои волшебных сказок «Лягушачья шуба» (АТ 402+4001), «Кутлубика и Кутлуяр» (АТ 425+4001), «Йылан-батыр» (АТ 440+4001) лишаются своего счастья. В знак наказания им приходится пройти немало преград и трудностей, чтобы исправить положение, пустившись на поиски своих возлюбленных. В архаическом эпическом кубаире «Уралбатыр» также стоит Шульгену нарушить запрет отца, испив крови из раковины, как на его долю выпадает немало бед, а то и следует жесткое наказание: он встает на путь зла и остается в памяти народа как демонический дух [Башкирское народное творчество, 1998, с. 28].

«...Смотри, чтоб твой сон не вызнал кто-нибудь,
От братьев сон сокрой и осторожен будь,
Не то тебе от них злой мести не минуть, –
И сон страданье нам пошлет уже теперь», –

так предостерегал отец сына в «Кисса-и Йусуфе». Братья, которые заранее были проинформированы сестрой об увиденном сне, решили подробнее расспросить его самого: «...И мы сейчас к себе Йусуфа призовем, Поведаем про сон – расспросим обо всем». Как бы Йусуф не хотел нарушать отцовский запрет, он был честным человеком и не умел кривить душой. «...И не умел он лгать – был честен и правдив, И против воли он все им открыл теперь», говорится о нем в поэме. То есть, он вынужден был переступить отцовский запрет, нарушив тем самым народный обычай о преданности отцовскому наказу – аманату родительскому. В результате, нарушение запрета влечет за собой неминуемое наказание: Йусуф-прекрасный вступает на путь долгих испытаний и мук. Смысл вещего сна породил в душах старших братьев зависть и коварство. Так младший сын попал в немилость старших.

Вообще, говоря о младшем по возрасту члене семьи, надо помнить, что к нему в семье отношение было неоднозначным. Так, младший брат, согласно эстетике сказок представляет собой «образ обездоленного младшего брата» и является любимчиком у отца, а младшая жена – мужа. Остальные дети или жены, видя такое отношение, конечно, недолюбливают младшего брата или младшую жену, постоянно ищут пути избавиться от него – от нее («Охотник Нурьян», «Таз» и т.д.). Сюжет волшебной-героической сказки «Охотник Нурьян», к примеру, строится на том, как из трех жен муж сильнее всех любил самую младшую, потому что та, в отличие от своих сестер, обещала родить ему сына. Но, когда она выполнила свое обещание, завистливые сестры, воспользовавшись отсутствием дома мужа, подменяют ее ребенка на щенка и т.д. [Башкирское народное творчество, 1976, №43]

Традиционный образ «обездоленного младшего брата» традиционен и для эпосотворчества. В башкирском народном эпосе «Заятуляк и Хыу-хылу» хан из всех своих сыновей любил младшего Заятуляка, которого ревновали к отцу и ненавидели его старшие братья. Герою даже приходится спасаться бегством от злостных посягательств с их стороны. В киргизском народном эпосе «Манас» главному герою – любимчику своих родителей Манасу – также приходится покинуть родной дом, спасаясь от злых намерений ревнивых братьев и т.д.

В рассматриваемой поэме Кул Гали пророк Якуб из 12 своих сыновей больше всех любил и лелеял Йусуфа. Более того, он и от старших сыновей требовал уважать и любить его. Традиционно старшие братья ревнуют отца к нему, ненавидят его и строят корыстные планы при удобном случае избавиться от ненавистного любимчика. Смысл сна стал последней каплей в чаше терпения старших братьев. В этот момент срабатывает упомянутый выше традиционный мотив «Запрет – нарушение запрета – наказание»: старик Якуб запрещает разглашать смысл сна, который был нарушен, в результате, опасения пророка оправдываются, и любимому сыну грозит наказание в виде коварных действий его братьев. Потому что они решаются на злостный поступок: придумывают как его извести. Под видом прогулки они выпрашивают отца, отпустить Йусуфа вместе с ними, погулять и развеяться. После долгих колебаний Якуб все же с тяжелым сердцем дает свое согласие, но велит нести его на руках. Братья вначале так и поступают, однако, как только скрываются от отеческих глаз за холмом, они выбрасывают пищу Йусуфа собакам, воду выливают, а его самого начинают колотить. Только вмешательство брата Йахуда спасает его от этих истязаний: он умоляет опустить брата на дно глубокого колодца, а не истязать избиением. Раздев несчастного, они обвязывают его веревкой и опускают на дно колодца. Снятую одежду Йусуфа, испачкав кровью свежезарезанного ягненка, злостные братья с прискорбным видом, плача и стелая, преподносят отцу, мол, бедного брата задрал волк. С того момента Якуб впадает в глубокую печаль [Гали, 1993, с. 52].

Как видим, традиционный мотив «Запрет – нарушение – наказание» порождает сказочный образ «обездоленного младшего брата», что, в целом, дает цепную реакцию, и сюжет начинает динамично развиваться, что влечет за собой новые повороты в развитии дальнейших событий. Так увиденный вещий сон начинает потихоньку претворяться в жизнь, для чего герою приходится пройти еще через многие испытания и препятствия, ниспосланные ему Всевышним. Через обделенность и лишения он достигает наивысших благ.

В поэме «Кисса-и Йусуф» также можно встретить идейно-художественное использование таких традиционных образов, как образы «справедливого правителя», «помощника героя», «волшебного колодца», «говорящего волка», «бездетного героя» и мн. др. Так, образ «справедливого правителя» среди прочего является наиболее популярным традиционным художественным элементом, известном нам как из сказок, так и эпоса. Надо сказать, что в любом обществе, в любом государстве всегда жила и живет мысль о справедливом пра-

вителе. Эти желания и стремления отразились как в общественно-национальном сознании народа, так и в его устно-поэтическом творчестве. В последнем подобные чаяния и мечты в виде образа о справедливом царе или правителе отразились более всего ярче, нашли свое поэтическое отражение. Справедливые к народу правители в народных песнях, сказке и эпосе обычно изображались как положительные герои, вместе с их героическими поступками и богатырской силой воспевалась и их мудрость, добросердечность, добропорядочность, милосердие и т.д. А все его антитипы высмеивались, критиковались народом. Сказки, где царем становился простой Таз-Плешивый или просто младший сын отца (тип Ивана-дурака в русских сказках), обычно завершается словами «...и правил он своим народом (или царствовал) справедливо». В башкирском народном эпосе «Идукай и Мурадым» Туктамыш-хан представляется жестоким и алчным правителем, а Идукай – положительным и справедливым. Своей мудростью (в особенности в эпизоде с двумя женщинами, спор которых он рассудил справедливо) последний даже вызывает реминисценцию к образу библейского царя Сулеймана (Соломона) [Башкирское народное творчество, 2000, с.71-71].

Справедливым правителем в рассматриваемой поэме, конечно, является Йусуф, который вззошел на трон, который вручил ему властелин Египта царь Рейян:

... И властелин, красой Йусуфа восхищен,
Отдал ему казну, владения и трон...

Действительно, Йусуф стал очень мудрым и справедливым правителем. За это Господь наделил его именем пророка.

... Был мудр он и учен, был ум его остер,
К нему текли истцы – иск разрешить и спор,
И всем он выносил правдивый приговор, –
Обиды на него никто не знал теперь [Гали, 1993, с. 163]

Этими качествами правитель и пророк Йусуф также вызывает реминисценцию к образу другого святого – библейского царя Соломона, как и Идукай из упомянутого выше башкирского эпоса.

Таким образом, в средневековом башкирском литературном произведении Кул Гали «Кисса-и Йусуф» на фольклорные образы «падчерицы», «обездоленного младшего брата», «справедливого правителя», а также мотив «Запрет – нарушение запрета – наказание», как впрочем, и другие традиционные мотивы, нашедших место в поэме, возлагаются важные художественно-эстетические функции. Благодаря изначально порожденному сюжетобразующему мотивом вещего сна данные образы, также как и сюжетобразующие мотивы, способствует совершенствованию главной сюжетной линии и систему образов.

Литература

Башкирское народное творчество: Сказки о животных. Волшебные сказки / Сост., введен. и коммент. М. Мингажетдинова, А. Харисова. Уфа: Башкир. кн. издат-во, 1976. Т. 1. 616 с.

Башкирское народное творчество: Волшебные сказки. Сказки о животных / Сост. Н.Т. Зарипов, вступ. ст., ком. Л.Г. Барага, Н.Т. Зарипова. Уфа: Башкир. кн. издат-во, 1989. Т. 4. 512 с.

Башкирское народное творчество: Эпос / Сост. А.М. Сулейманов; авт. вступит сл. М.М. Сагитов. Уфа: Китап, 1998. Т.3. 448 с. (на баш. яз.)

Башкирское народное творчество: Исторический эпос / Сост., введен. и коммент. Н.Т. Зарипова. Уфа: Китап, 2000. Т.5. 392 с.

Гали Кул. Кисса-и Йусуф / Перелож. с тюркск. З.Я. Шариповой. Уфа: Китап, 1993. 272 с. (на баш. яз.).

Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. 326 с.

Тимофеев Л., Венгеров Н. Краткий «Свод» литературоведческих терминов. М., 1955. 179 с.

Сулейманов А.М. Наши Киссы и дастаны // Башкирское народное творчество: Эпос: Киссы и дастаны: Уфа: Китап, 2002. Т.6. 552 с. (на баш. яз.)

Яхин А.Г. Система татарского фольклора. Казань: Таткнигоиздат, 1984. 200 с.